

КОТТЕДЖНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК СИНТЕЗ ГОРОДСКОЙ И УСАДЕБНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

В статье раскрываются особенности материальной культуры России, прослеживаются особенности жизнедеятельности усадеб, охватывающих обобщающим контуром опыт традиционного русского хозяйствования и западного цивилизованного развития. В этом синтезе сложился неповторимый колорит экономической, интеллектуально-нравственной, духовно-нравственной и эстетической деятельности дворянства.

Ключевые слова: усадебная культура, предметно-пространственная целостность, коттеджный комплекс.

В основе создания современной загородной жилой среды как предметно-пространственной целостности находится стремление в ее естественно-искусственной структуре воссоздать некий идеальный образ жизни человека, отразить его наиболее гармоничные представления о мире.

Жилая среда загородного дома исторически являлась транслятором наиболее устойчивых философских, художественно-культурных тенденций, а также поведенческих моделей, свойственных обществу. Наиболее ярким прототипом, объединившим искусственную и естественную составляющие жилой среды, стала дворянская усадьба, в исторических примерах которой отразились накопленные богатейшие традиции России.

В 1867 году В.И. Даль дал определение усадьбе как «господскому дому на селе, со всеми угодьями, садом и огородом», то есть жилым постройкам и прилегающей к ним территории. Современное толкование этого понятия по-разному интерпретируется специалистами. В него включается основной архитектурный ансамбль с парком, либо отдельное землевладение только с хозяйственными строениями или вся территория, принадлежащая владельцу. В итоге под усадьбой понимается комплекс жилых, хозяйственных, парковых и других построек, составляющих одно хозяйственное и архитектурное целое с окружающим ландшафтом.

«Усадебная культура» является важнейшим понятием в контексте данного исследования, и основывается на двух равнозначных базовых конструкциях – «усадьба» и «культура». Культура дворянской усадьбы занимает важное место в истории отечественной культуры периода XVIII–начала XX вв. С неё «открылась новая полоса русской культуры, интересная и важная

не только совершенством своих материальных созданий, но и своими мыслями, своей поэзией и философией, своими верованиями и вкусами» [1, с. 5]. Содержание понятия «русская усадебная культура» претерпело эволюцию от замкнутой средневековой эпохи XVII века, когда усадьба имела явно выраженный хозяйственный уклон, к середине XVIII–первой половине XIX века – периоду своего расцвета.

Россия была исконно аграрной страной, культура которой сформировалась под влиянием природосообразного традиционализма, пронизанного христианским мировоззрением. Сложению своеобразия среды усадебных ансамблей предшествовал длительный период эволюции древней родовой усадьбы как культурного и художественного образования.

Начать отсчет становления национальной усадебной культуры можно с XVI века, с мер направленных правительством на укрепление частного хозяйства служилого сословия. Во второй половине XVI в., во времена опричнины Ивана Грозного, желая увеличить число преданных служилых людей, царь стал дарить им земли. Выделяемые служилому люду в Московском государстве (а прежде – князем в Киевской Руси) новые поместья – «дачи» – обустраивались аналогично исконным родовым владениям, вотчинам и представляли собой слепок с традиционной патриархально-родовой усадьбы, корнями своими уходящей в глубокую древность. Это произошло в Восточной Европе в конце III–начале II тысячелетия до н.э., в период перехода от матриархально-родового строя к патриархальному, когда стала выделяться моногамная семья. «Большие патриархальные семьи стали распадаться на малые, которые об-

разовывали территориальные общности – соседские общины. Они сообща выполняли трудоемкие работы, в то же время каждая из них обзаводилась собственным хозяйством. Ее жилище предусматривало выполнение и хозяйственных функций, а значит, включало служебные помещения. Фактически это была усадьба, хотя ей предстояло пройти большой путь развития, чтобы стать усадьбой в нашем сегодняшнем представлении. Родовая усадьба предполагала наследственное владение землей. И такое владение возникло в ходе разложения первобытно-общинных отношений...» [2, с.17].

Каноном пространственно-морфологической структуры земель-поместьев («дач»), начиная с XVI в., являлась традиционная родовая усадьба. Древняя усадьба состояла из жилого дома, некоторого защищенного, огороженного преддомового пространства, где сосредотачивались основные хозяйственные и представительские функции, и земельных угодьев.

Универсальным приемом, сложившимся истари, было расположение жилого дома в глубине дворового участка, а хозяйственных построек – на его периферии, нередко у самой ограды и даже вместо нее. Однако рост города и уплотнение его центральной части влияют на облик усадьбы. Усадьбы в огражденных посадах начинают отличаться заметно меньшими размерами, они плотно стыкованы друг с другом, для их расширения не остается резерва. Из-за недостатка отведенного места в усадьбах уже нет возможности поставить дом в глубине участка. Здесь жилые терема вынуждены выходить непосредственно на городские улицы. Протогородская усадьба видоизменяется. Своей лицевой стороной она тяготеет к общественному пространству – улице, площади, погосту. Служебные зоны усадьбы остаются за домом, «на задах». «Они, естественно, оказывались более обширными, чем передний двор, особенно если к ним примыкали огороды и выгоны, но они считались менее значимыми пространствами» [2, с. 27–28]. Градостроительный рисунок, планировочная структура улиц постепенно становятся предопределяющими в пространственной организации усадьбы, влияют на способ ее построения, на постановку дома и других строений на участке. Дом в городской усадьбе, ее главное ядро, все в большей мере становится принадлежностью улицы, то есть официальной части города.

Постепенно в огражденном граде складывается застройка с дворами горожан, располагающимися по сторонам улиц. Пространство позади дворов отводится огражденным садам и огородам. Это, пожалуй, первая трансформация развивающимся городом протогородской усадьбы, первое основание различать ее уже как городскую.

Увеличение доли ремесленного труда в трудовой жизни горожан – другой процесс, решительно повлиявший на формы городского жилища. Развитие ремесел радикально изменяет функциональную структуру городской усадьбы, превращая «усадьбу» в городской «двор». Это название, как еще одно наименование усадьбы можно встретить в летописях и других старых письменных источниках.

В период феодальной Руси она именуется словом «двор», которое используется в двух ипостасях. В понятие «двор» входило обозначение границ семейного владения, социально-политических единиц общественного устройства. По типу двора организовывались ячейки общественного и государственного назначения – «княж двор», «владычен двор», «гостиный двор» и т. п. [3].

Принципиальные изменения усадебного ансамбля происходят в процессе возникновения вотчинной системы, то есть образования частной феодальной собственности на земельные владения вне города. Если в X–XI вв. основой усадьбы были господский дом и его служебные помещения с минимальным числом челяди, то начиная с XII в., обязательным элементом усадьбы становятся и жилые дома ремесленников, занятых переработкой продукта для его дальнейшей реализации. Поскольку с этого момента феодальная усадьба превращается в центр переработки вотчинного продукта, это ведет к активной концентрации на ней производящего населения [3].

Развитие ремесленной составляющей, стесненные городские условия, не позволяющие усадьбе расширяться, приводят к сокращению доли сельскохозяйственных земельных угодий (огородов, выпасов) в её структуре. Последние просто выдавливаются из усадьбы ремеслом. Но они не исчезают вовсе, а выносятся за черту города. Этот процесс вполне отчетливо наблюдается в городах Московского государства в XVI–XVII вв., впоследствии приведя к изменению морфологии традиционной родовой усадьбы, что стимулировало образование и распространение ее новых, иначе говоря городских, «свернутых» форм.

Усадьбы превращаются в городские «дворы» – жилища городских семей. «Двор» – это протогородская усадьба с сильно усеченной долей садового участка, то есть с преобразованной периферией.

Усадебная культура как сплетение аграрного и индустриального начал исчезла из сегодняшней загородной среды. Полное уничтожение усадебной традиции вызвало на современном этапе волну массовой безликой жилой загородной застройки. Поиск гармоничных композиционных взаимосвязей объектов искусственной и естественной среды стал насущной проблемой современного средового проектирования. Типологическая близость загородного жилья к своим историческим прообразам – усадьбам, говорит о путях возможной преемственности в вопросах средоформирования, имея целью создание комфортной целостной среды жизни современного человека во всем многообразии его идеальных представлений о жизнеустройстве с учетом региональной специфики.

В сферу наших интересов входит загородный дом, который в российской научно-методической литературе синонимичен понятию «дача», имеет праславянское происхождение и берет начало от слова «дать». Дача – первоначально, «дарованная князем земля» (укр. «дача» – принесение в дар) [4, с. 57], этим словом именовались дарованные земельные наделы. Со второй половины XIX века строительство дач в России принимает небывалый размах. Выезд на природу горожан приобретает тотальный характер, их стремление влиться в первоприродную, естественную, не городскую жизнь ведет к популяризации дачи. Возникает новое понятие «дачная местность», обязательно живописное, благолепное место в пригороде, где сосредоточиваются дачи и складывается новый тип поселений – дачные поселки [5, с. 89]. «Дачные поселки как самостоятельный тип поселений стали возникать на исходе классицизма. Появление дачных поселков вдоль Петербургского шоссе под Москвой и в ближайших окрестностях Петербурга (Парголово, Екатерингоф и т. д.), превращение пригородов при императорских резиденциях (Павловск, Петергоф, Царское село, Гатчина, Ораниенбаум) в города дач пришлось на время романтизма. Но подлинно массовое строительство их началось, и характерные особенности их сложились во второй половине XIX века» [5, с. 45]. Дачные поселки, как новые типы поселений, образу-

ются из множества мини-усадьб, организованных по принципам городской планировки. Эти новые поселения строятся на основе городской уличной сети, как правило, регулярной; размещение дома здесь предопределено не только ландшафтными особенностями участка, его размерами, конфигурацией, но и трассировкой улиц.

Послереволюционное дачное строительство начинается с отрицания буржуазного образа жизни в частном загородном дачном бытии, как особой культуры, эволюционно сложившейся к переломному историческому моменту. Первоначально происходит передача экспроприруемых у буржуазии дачных усадеб государственным, общественным организациям (детским домам, интернатам, санаториям, различным общественным объединениям), а также лидерам из партийной и бюрократической номенклатуры. В стране дачная жизнь, как фрагмент городской культуры, для широких масс горожан на некоторое время замирает. Однако с приходом НЭПа она вновь возрождается. На основе сочетания «новых идей» и «старых традиций», еще не забытых, возникает феномен «новой дачи», советской. Горожанам за чертой города начинают выделяться неосвоенные земельные наделы. В послевоенный период закрепляются две основные организационно правовые формы строительства дачного жилища горожан – садоводческие товарищества и дачные кооперативы.

С 1988 г. стало разрешено загородное строительство, как по типовым, так и по индивидуальным проектам, но в строгом соответствии со схемой застройки территории коллективного сада.

С 1991 г. меняется терминология: словосочетание «садовый домик» впервые было упразднено и заменено термином «садовый дом», что позволило рассматривать его уже как капитальное сооружение. Кроме этого конец XX века с его техногенной цивилизацией ознаменовался масштабными изменениями в культуре, смещением традиционных ценностных ориентиров, появлением новых форм и стилей жизни. В проектных архитектурно-дизайнерских поисках загородный дом стал ярким примером новой философии жизни.

В современных загородных жилых объектах взаимосвязь элементов жилого объема и ландшафтного участка строится с учетом композиционных осей. Ось композиции – это своеобразная силовая линия, показывающая условные направления концентрации визуальных связей между художе-

ственно значимыми слагаемыми среды. Общая планировочная структура коттеджных поселков имеет регулярную планировку, состоящую из отдельных участков-«ячеек». В общей планировочной схеме можно выделить две тенденции:

- шахматное или параллельное расположение домов внутри участков;
- параллельное расположение домов вдоль улиц;
- структурное деление каждого участка-«ячейки» на придомовую (регулярную) и хозяйственную (пейзажную) части;
- разделение придомовой части на парадную (перед домом) и частную (пространство у паркового фасада);
- выделение дома в доминанту участка, в качестве особенности его морфологии – равнозначность всех фасадов.

Можно выделить пять основных архитектурных типов коттеджных домов:

Коттедж №1: «Русская усадьба». Коттедж представляет собой стилизацию архитектуры усадеб XVIII – XIX вв.;

Коттедж №2: «Итальянский коттедж». Основой коттеджа является террасированность объемно-пространственной структуры;

Коттедж №3: «Современный дом». Архитектура коттеджа представляет собой стилизацию интернациональной ветви модерна.

Коттедж №4: «Классический». В основе планировки и стилистических особенностей фасадов лежат проклассические композиционные закономерности.

Коттедж №5 «Скандинавский коттедж». В основной архитектурный объем включены элементы этнодизайна, в том числе деревянного зодчества.

В планировке искусственных и естественных начал среды акцент делается на проектировании жилой среды в неотъемлемой связи с ландшафтом. Экодом, расположенный на склоне, повторяет и имитирует форму ландшафта, его характерные членения, структуру. Это достигается посредством «отражения» и «заимствования» в архитектуре внешних, наиболее характерных, морфологических признаков ландшафта, наблюдается чуткая реакция пластики здания на мельчайшие особенности рельефа (микрорельефа).

На уровне объемно-пространственной взаимосвязи искусственной и естественной среды

здание мыслится составной частью экстерьера. Уменьшается доля глухих стен, применяются крупные проемы – окна, витражи. Логика взаимосвязи интерьера здания с внешней средой базируется на концепции непрерывности пространственных впечатлений человека, чему подчинены прозрачность архитектурных объемов, неопределенность границы между интерьером и ландшафтом, контрастность элементов здания. В своем стремлении создать визуальные контакты искусственной и естественной среды, архитекторы начала XXI в. стараются выразить в ландшафте внутреннюю пространственную структуру построек, что нередко приводит к созданию открытых дизайн-форм.

Увеличивается площадь остекления в ограждающих конструкциях вплоть до изготовления стен полностью из стекла, реализуя принцип визуального соответствия. В жилище включается большое количество переходных «буферных» пространств – полуоткрытых дворики, веранд, лоджий, балконов, террас с навесами и т. д. «Втягивание» элементов природного окружения (экстерьера) в интерьер происходит благодаря устройству полуоткрытых внутренних дворики, включения элементов естественного ландшафта во внутреннюю структуру дома (такими элементами в данном проекте являются скальные осыпи, песчаные островки, живые деревья и их группы; искусственные ручьи и водопады).

Основой формирования объемно-пространственной структуры жилого дома становится каркас. Он объединяет пространства дома и сада, несет и горизонтальные и вертикальные ограждающие плоскости (стены, перекрытия), зрительно усиливая иллюзию «врастания» здания в природный фон.

В настоящее время актуальным видятся проектные решения автономных систем жизнеобеспечения и в загородных домах. Самые распространенные разновидности – проекты загородных домов, использующих энергию солнца, и ветра. Такие жилища называются «солнечные дома», «дома с ветроэнергетическими установками», «автономные дачи».

Намерения изобрести универсальную модель второго жилища, приспособленного к водной, воздушной и наземной стихиям, способного переезжать, летать и плавать, демонстрируют авторы концептуального проекта под назва-

нием «Дом-амфибия». Эти влияния хорошо прослеживаются в проекте «Вестминстер Лодж» (Великобритания, арх. Э. Куллинан, 1999 г.), где дом является образцом предложенного нового экологического подхода к дизайну. Здание поднято над землей. Стены сделаны из бревен, так же как и каркас, что обеспечивает прекрасный микроклимат и звукоизоляцию. Изогнутая крыша вторит ландшафту местности, декорирована природным материалом. Например, проект «Девять домов» архитектор Петер Ветуш (Диэтикон, Швейцария, 1993 г.). Основной идеей коттеджного поселка является полное слияние с окружающей природой, что отразилось в концепции Earth House («землянки»). Помимо экологической чистоты подобных построек, такое строительство имеет бесспорное преимущество в тех районах земли, где необходимо максимальное сохранение природной среды. Этому способствует и характерная особенность всех построек – отсутствие «неестественных» (для окружающей природы) прямых углов. Перетекание естественной и искусственной среды создает комфортную жилую среду.

«Новое мышление» 70-х гг. XX в., целостное, гуманитарно-ориентированное видение проектных задач привели к средовому подходу в проектировании (О.И. Генисаретский [6], В.Ф. Сидоренко [7, с. 67]), усилившему внимание к взаимосвязанному системному рассмотрению всех многоуровневых составляющих среды.

Средовой подход распространил новое аксиологическое видение проблем экологии культуры на предмет дизайна. Культурная и природная среды обладают особой функцией сохранения и развития этнокультурной идентичности. Эко-культурная составляющая средового подхода обусловила выстраивание и насыщение загородной среды и насыщение объектами дизайна с учетом их смысловых конструкций.

Искусствовед Г.Г. Курьерова представила проектирование как «результат непосредственного, эмоционального переживания темы, нежели умозрительных выкладок по поводу проблемы. Сам процесс формообразования напоминает зачастую архаичный «мускульный» тип формирования вещи и среды» [8, с. 32]. Источники вдохновения деятели «критического регионализма» берут непосредственно в местном опыте – русского модерна и конструктивизма, классики, допетровского русского стиля XVII

века и даже «сталинского ампира» и народного искусства. Дизайн в формировании загородной среды выступает как поле сюжетного повествования, играет роль метафоры, формирует сценарий со своими кодами смыслов.

Одним из выражений приближенности объекта дизайна к естественной среде являются понятия сильной и слабой проектности. Под «слабой» проектностью понимается «... «слабый» характер проектной стратегии любого из конкретных воплощений «слабого» генотипа, будь то школа, течение, направление или индивидуальная творческая концепция» [8, с. 38]. Примером служит загородный дом Р.Л. Мерфи (арх. Х. Ян). Здание размещено в окружении высоких деревьев. Оно поставлено на высокие столбы – опоры, которые метафорически воспринимаются как «стволы» деревьев, а параллелепипед здания – как их сросшиеся «кроны».

«Сильная» установка имманентна западной системе мышления, тогда как слабая – восточной (И. Хосе). Вилла Mandov в горном районе Атами (Япония, арх. Сатоши Окада) поставлена на возвышенном месте, откуда вид на океан не заслоняется верхушками деревьев. Гигантское яйцо, покрытое, как чешуей медными пластинами, окруженное прямоугольными пристыкованными блоками (жилыми павильонами) контрастирует с природными формами окружающего ландшафта.

В проекте Дома в Вакабадаи (Кавасаки, Япония, арх. Сатоши Окада, 2006 г.) архитектурный объем дома противопоставляется окружающему ландшафту. Каркас здания построен из деревянных конструкций собственной разработки автора. Два этажа консолью нависают над автомобильной стоянкой, а с крыши открывается панорамная перспектива на окружающие сады. Снаружи дом «обтянут» миллиметровой листовой нержавеющей сталью. Это придает абстрактные очертания и усиливает контраст с окружающей средой.

Дом-крепость – не просто литературная метафора, но устойчивый символ в дизайне жилой среды. Дом в дачной местности (Николина гора, Московская обл.) задуман не как продолжение цивилизованного ландшафта, с раскрытыми на него стеклянными стенами, а как «оплот сопротивления территории». Здесь нет обилия буферных пространств, но есть «дозорная» башня и башенки, высокий каменный, неприс-

тупный цоколь с пилонами-контрафорсами и оконками-бойницами. «...Это традиция русского романтического особняка XIX–начала XX века ... с тем жанром особняка, который соответствует не авангарду профессиональному идеалу, но реальности загородного дома в России» [9, с. 64–67]. Однако постепенно жилище утрачивает оборонительные функции, ограда современной усадьбы, лишь визуально фиксирует границу участка, символически обозначает рубежи. Эти метаморфозы свидетельствуют, что современному загородному жилью все меньше свойственно противостояние в отношении его окружения.

Понятие экологии культуры объединило культурную и природную среду особой функцией сохранения и развития этнокультурной идентичности [10, с. 58]. Закрепление этой фун-

кции становится важнейшей проблемой проектной культуры. Этнос при этом понимается как обитатель среды и носитель культурных традиций, а культура, наряду с предметной средой, как один из антропогенных ландшафтов его обитания. Дизайн становится сферой, где фундаментальные культурные ценности играют роль проектных инициаций. Благодаря новой проектной стратегии происходит экстраполяция традиционных культурных «образцов-представлений ценностей на новую предметность» [11, с. 189]. Средовой подход в этом смысле сыграл роль историко-культурного проводника стиля в сложную структуру многофункционального загородного объекта.

Дизайн как культурный феномен может играть ключевую роль при разработке принципов взаимодействия традиций и современности.

1.09.2013

Список литературы:

1. Шамурин, Ю.И. Подмосковные усадьбы / Ю.И. Шамурин – М., 1912. – С. 352
2. Алексеев, С.Ю. Структура пространства жилого дома. Эволюция представлений : учебное пособие / С.Ю. Алексеев, Е.И. Миронов – Ростов-на-Дону : Рост. гос. архит. ин-т, 1995. – С. 157
3. Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроительство X–XV веков / Под общ ред. Н.Ф. Гуляницкого – М. : Стройиздат, 1993. – С. 450
4. Русакова, А. А. Символизм в русской живописи / А.А. Русакова – М., 1997. – С. 180
5. Лосев, А. Ф. Проблема художественного стиля / А.Ф. Лосев – М., 1975. – С. 420
6. Генисаретский, О.И. Методологические заметки о концептуальных основах регионального дизайна / О.И. Генисаретский // Региональные проблемы жилой среды – М., 1988. // Труды ВНИИТЭ : Сер. Техническая эстетика. Вып. 55. – С. 105
7. Сидоренко, В.Ф. Эстетика проектного творчества / В.Ф. Сидоренко – М.: 2007. – С. 240
8. Курьерова, Г.Г. Экология предметного мира как стратегия дизайна в постиндустриальный период / Г.Г. Курьерова // М : ВНИИТЭ. – 2008. – С. 131
9. Ревзин, Г.О. Спор лучшего с хорошим. Дом на Никольской горе / Г.О. Ревзин // Проект Россия. – 1998. – №9. – С. 164
10. Кондратьева, К.А. Проблемы этнокультурной идентичности и современный дизайн / К.А. Кондратьева // Гуманитарно-художественные проблемы образа жизни и предметной среды // Труды ВНИИТЭ: Сер. Техническая эстетика. Вып. 58. М., 1989. – С. 125
11. Кондратьева, К.А. Дизайн и экология культуры / К.А. Кондратьева – М., 2000. – С. 260

Сведения об авторе:

Решетова Маргарита Владимировна, доцент кафедры средового дизайна
Московской государственной художественно-промышленной академии им. С.Г. Строганова
125080, г.Москва, Волоколамское ш., д. 9, e-mail: mio-margo@mail.ru